

Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме

Т. Н. Секераж, кандидат юридических наук, доцент, заведующая лабораторией судебной психологической и лингвистической экспертизы Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России (sekerage@mail.ru)

В статье обсуждаются наиболее актуальные методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме, связанные с пониманием предмета исследования, выбором методов, определением пределов компетенции экспертов разных специальностей при проведении комплексной психолого-лингвистической экспертизы, правовыми и экспертными понятиями и др. В общем виде очерчены основные положения методических рекомендаций, созданных на материале экспертной практики коллективом авторов в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте России (в лаборатории судебной психологической и лингвистической экспертизы). В представленных рекомендациях обозначаются организационно-правовые основы комплексной психолого-лингвистической экспертизы, излагаются основные положения и принципы комплексного психолого-лингвистического исследования «экстремистских текстов», технология экспертного исследования, критерии экспертных оценок, особенности экспертных ошибок и их предупреждение, рекомендации по составлению заключения эксперта и др.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, экстремистская деятельность, текст, методика экспертизы.

Наиболее актуальные проблемы по новым видам судебных экспертиз гуманитарной направленности связаны с исследованием так называемых экстремистских текстов по таким категориям уголовных дел, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение вражды и ненависти, унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), по гражданским делам в связи с применением Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ, по арбитражным делам в связи с оспариванием юридическими лицами различных предписаний и предупреждений, выносимых федеральными службами. Слово сочетание «экстремистский текст» является условным, используется нами для краткого обозначения направленности исследуемых текстов (оно не используется в нормах права и потому не является юридическим).

Анализ судебной и экспертной практики (с учетом деятельности государственных и негосударственных экспертов) показал, что по таким делам назначаются экспертизы разных видов и наименований: лингвистическая, политолого-лингвистическая, религиоведческо-лингвистическая, социолого-лингвистическая, социальная, гуманитарная и др. Нередко в наименованиях фигурирует и психологическая в сочетании со всеми названными.

Методологическая и методическая обеспеченность производства экспертизы спорных текстов по делам об экстремизме не соответствует высокому спросу на такие исследования, их актуальности и общественной значимости, а также их сложности и очевидной междисциплинарности. Вероятно поэтому имеющиеся ведомственные методики лингвистической экспертизы текстов с целью выявления в них призывов к экстремистской деятельности и возбуждения вражды и ненависти являются узкими, односторонними, не удовлетворяют в полной мере потребностей правосудия и не ратифицированы до настоящего времени всем экспертным сообществом (применяются только в рамках соответствующего ведомства).

Обобщение экспертной практики выявило такие проблемы в сфере экспертизы «экстремистских текстов», как отсутствие четкого представления о предмете исследования, единого научно обоснованного методического подхода, алгоритма решения экспертной задачи и критериев экспертных оценок; размытость границ компетенции экспертов; неопределенность объекта исследования. Как следствие этого, в заключениях экспертов присутствуют: противоречия (внешняя и внутренняя противоречивость: если сравнивать заключения по одному делу, наблюдаются не только противоположные выводы, но и категориальные противоречия); противоречивость выводов; выход за пределы компетенции (чаще – нарушение правового предела, вторжение в юридическую область).

Последняя проблема (нарушение пределов компетенции) во многом обусловлена не столько недостаточной компетентностью экспертов (отсутствие у них специальной подготовки), сколько отсутствием теоретико-методической проработки основ таких исследований. В попытке ответить на поставленный вопрос, например, о наличии в тексте призывов к осуществлению экстремистской деятельности эксперт обращается к закону за толкованием «экстремистской деятельности».

Однако известно, что Федеральный закон № 114-ФЗ и Уголовный кодекс РФ не дают определения экстремистской деятельности, более того, они во многом противоречат друг другу (о чем имеется большое число аналитических публикаций юристов). В ФЗ содержится только трактовка деяний, которые законодатель относит к экстремизму. К этой трактовке и обращаются эксперты за наименованием

иного законодательного определения явления. В итоге получают ответы, явно выходящие за пределы специальных знаний, что эксперты обосновывают «своим» пониманием нормы права либо тем, что проводят не юридическую, а экспертную квалификацию. Например, дав ответ, что «в тексте статьи содержатся призывы к осуществлению деятельности по совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации», эксперт отмечает, что дает не юридическую оценку призыва, а лингвистическую. Возможно, оценку призыва он дает лингвистическую, а какую оценку он дает тому, на что направлен призыв?

Введение юридических терминов в понятийное поле эксперта требует от эксперта, во-первых, понимания термина так, как его понимает законодатель, и, второе, перевода термина в категорию экспертных понятий, поиск в юридической категории специального предмета, разведение юридической и научной терминологии.

Анализ содержания правовых норм, определяющих потребность в применении специальных знаний в форме судебной экспертизы «экстремистских текстов», показал, что основными признаками текста, значимыми для правовой оценки самого текста (как продукта деятельности субъекта), и уголовно-правовой оценки действий автора этого текста, т. е. юридически значимыми признаками текста, являются: 1) отраженная в тексте целенаправленность деятельности автора по созданию (и обнародованию) текста, ее произвольность и осознанность; 2) публичность; 3) наличие в тексте призыва к запрещенным действиям; 4) наличие в тексте пропаганды запрещенных взглядов, идей; 5) наличие в тексте оправдания или обоснования экстремистской деятельности; 6) наличие в тексте оправдания или обоснования национального, религиозного, языкового или расового превосходства; 7) направленность текста на возбуждение или разжигание розни, возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека, оскорбление человека по определенным признакам (пола, расы, национальности, отношения к религии и др.).

Поскольку особенности текста обусловлены функционированием языка, закономерностями порождения, психологическими явлениями, лежащими в основе речевой деятельности и речевого поведения, для установления этих особенностей могут быть применены специальные знания в области лингвистики и психологии. Названные признаки текста могут быть установлены психологическими и лингвистическими методами в рамках комплексной психолого-лингвистической экспертизы.

В РФЦСЭ при Минюсте России создана методика комплексного исследования текстов по делам об экстремизме, в которой авторам удалось преодолеть ряд основных трудностей. В рамках этой работы уточнены организационно-правовые основы экспертизы данного вида, обозначены требования к поступающим на исследование материалам, проведен экспертологический анализ норм закона, определены предмет и объект экспертизы, очерчены пределы компетенции экспертов разных специальностей, сформулированы основные типовые задачи, обоснован алгоритм их решения, дан комплекс диагностических признаков и сравнительный эталон, определены критерии экспертных оценок.

Общими основаниями назначения судебной психолого-лингвистической экспертизы экстремистских текстов для судебно-следственных органов являются: потребность в установлении обстоятельств, влияющих на квалификацию деяния, степень и характер ответственности, потребность в выяснении мотивов преступления.

В устанавливаемые экспертом фактические данные не входят явления правового характера, определяющие состав преступления, его квалификацию, элементы состава – объект, субъект, объективную сторону, субъективную сторону, включая форму вины, однако заключение эксперта становится той базой, на которой строятся как доказательства события правонарушения, так и его правовая квалификация. Эксперт не может и не дает юридическую квалификацию деяниям, он устанавливает специальные признаки текста, значимые для дела. Правоприменитель же, учитывая в совокупности с другими доказательствами по делу лингвистические и психологические признаки текста, устанавливает квалифицирующие признаки наказуемого деяния и дает полную правовую оценку деяния и квалификацию правонарушения.

Объектом психолого-лингвистической экспертизы является текст как продукт речевой и коммуникативной деятельности и поведения человека (автора текста). Термин «текст» понимается широко: (а) как устный и письменный; (б) как отдельное высказывание и как совокупность высказываний. Однако всегда текст рассматривается как целостная категория, отдельные слова и предложения анализируются только в контексте их употребления с учетом смысла всего текста. Текст является единицей речевой или коммуникативной деятельности его автора и рассматривается как сообщение, имеющее свое содержание и коммуникативную цель. Объект исследования может быть как словесным, так и комбинированным, т. е. содержать вербальную часть и изображение как часть текста.

Текст рассматривается как источник смысловой информации. Для понимания смысла текста подход, трактующий текст как языковую единицу (в рамках дисциплин лингвистического ряда), представляется ограниченным. Более адекватен подход, по которому текст является единицей общения, единицей коммуникативной деятельности. Такой взгляд соответствует значимости текстов (высказываний) с правовой точки зрения и ответственности их авторов. Поэтому важным методологическим принципом является рассмотрение деятельности автора по созданию текста с позиций теории деятельности, а его активности – как коммуникативной деятельности, текстовой деятельности [1], как принцип единства сознания и деятельности.

«Текстовая деятельность» является одной из высших форм речевой деятельности, имеет в своей основе не элементарные механизмы (стимул-реакция), а механизмы со сложной иерархической структурой. Поэтому текстовая деятельность, как и письменная речь, характеризуется большей произвольностью и сознательностью в выборе и организации элементов языка и речи. Речевая (и текстовая) деятельность, как и другие виды деятельности, с одной стороны, характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью, эвристическим характером, с другой – состоит из нескольких последовательных фаз (ориентировка, планирование, реализация плана, контроль) (Л. С. Выготский). Цель деятельности находится не вне, а внутри структуры деятельности (А. В. Брушлинский) и может быть эксплицирована при комплексном исследовании. Однако следует отметить, что выявлению подлежат только коммуникативные цели автора и только те, что выражены (прямо или косвенно) в тексте с учетом коммуникативной ситуации.

Для выявления содержательной и смысловой структуры текста используются два основных подхода к анализу текста: предметно-содержательный и мотивационно-целевой [2]. Первый ориентирован на выявление предмета повествования, предметного содержания текста (здесь важно ответить на вопросы: «О чем говорится в тексте?» «Что говорится?» и «Как говорится?» (с помощью каких

языковых средств), второй – на анализ цели сообщения, коммуникативного намерения автора (устанавливается «Почему и для чего в тексте что-то говорится?»). Необходимость использования двух уровней анализа обусловлена двумя основными причинами. Во-первых, тем, что методологически в процессе исследования эксперты должны установить наличие/отсутствие двух основных критериев, является ли текст возбуждающим вражду и ненависть или побуждающим к определенным незаконным действиям. Этими критериями являются: определенное предметное содержание текста (наличие в нем искомого предмета описания) и его направленность (цель сообщения, коммуникативная цель текста). Первый критерий можно условно назвать *лингвистическим*, второй – *психологическим*. Только при наличии обоих критериев возможен категорический ответ, что текст направлен на возбуждение вражды либо в тексте содержится призыв (побуждение) к определенным действиям. Во-вторых, учитывая, что категория «текст» рассматривается в двух системах координат: лингвистической и коммуникационной.

Предметом экспертизы текстов по делам об экстремизме является установление фактических данных об особенностях текста, имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела или дела об административном правонарушении. Такими особенностями текста являются: его направленность (коммуникативная цель автора, цель сообщения), признаки побуждения (призыва) к определенным действиям, признаки пропаганды определенных взглядов, значение отдельных компонентов текста и другие. По существу предметом данного вида экспертизы является установление наличия или отсутствия таких характеристик (особенностей) текста и его автора, получивших отражение в тексте, которые имеют значение для принятия решения по делу, т. е. юридически значимых. Лингвист ориентирован на предметно-содержательный анализ, выявление значения отдельных слов и выражений, всего текста, языковые способы выражения смысла, формальные особенности коммуникации. Психолог – на выявление психологических особенностей деятельности автора, смысла сообщения, психологических феноменов вражды и др., осуществляет мотивационно-целевой анализ текста.

Главная задача (отнесение спорного высказывания к некоторому заданному классу, критерием чего является цель сообщения) не может быть решена отдельно экспертом ни той, ни другой специальности. Такие особенности текста, как его направленность (коммуникативная цель автора), признаки побуждения (призыва) к определенным действиям, признаки пропаганды определенных взглядов являются предметом междисциплинарного изучения и могут быть выявлены только при комплексном психолого-лингвистическом исследовании.

Если коммуникативная ситуация или текст содержат специфические особенности, которые входят в компетенцию иных специалистов (религиоведов, политологов, социологов и пр.), то к проведению исследования может быть привлечен соответствующий специалист. Наибольшего накала межэтнические и межконфессиональные конфликты достигают на территориях со сложным этническим и конфессиональным составом. В таких случаях целесообразным может быть участие специалиста в области этнической психологии.

В любом случае, даже, на первый взгляд, простом и однозначном, только при комплексной экспертизе могут быть вскрыты определяющие особенности текста, его содержания, смысла и влияния. Даже тексты с негативными оценками, особенно когда они адресованы представителям власти или политическим деятелям, вскрывают проблему объекта защиты и нередко требуют комплексного анализа.

Так, политические деятели и депутаты нередко инициируют уголовное преследование автора нелюбимой для них публикации (а не защищая свои честь и достоинство в гражданском суде), но не по 130-й статье (оскорбление), а по ст. 282 УК РФ, что часто обнажает их истинные мотивы, но не освобождает следствие и суд от квалификации, а эксперта – от оценки критической публикации. Очевидна сложность дел, связанных с публичными оценками, затрагивающими интересы каких-либо общностей (религиозных, этнических и др.) и социальных групп.

К трактовке понятия социальной группы, используемого законодателем, существует, по меньшей мере, два подхода. Один из них необоснованно расширяет это понятие, распространяя его на различные социальные общности и социальные категории, в том числе на правительство, чиновничество, профессиональные группы (и подгруппы) и др. Следуя определению социальных групп, используемому в рамках этого подхода (которое заимствуется из общественных наук – социологии, политологии, социальной психологии, где разрабатывается совершенно в иных целях), в число социальных групп без труда можно включить и футбольных фанатов, и преступные группировки.

В законе термин «социальная группа» употребляется не в его научном, а в общеупотребительном, наиболее понятном для граждан значении. Представление о социальном находится в одной сфере с такими понятиями и явлениями, как социальная справедливость, социальное обеспечение, социальная политика, и неразрывно связано с социальной структурой общества. Правительство, государственная власть не являются социальной группой. Органы государственной власти (любой из ветвей власти) и их представители не являются объектом защиты прав по ст. 282 УК РФ, а также по ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Одной из важнейших функций государственной власти является охрана прав и свобод граждан, что не позволяет выделить саму власть и ее органы (учреждения, аппарат) и их сотрудников в обособленную от народа социальную группу. В противном случае следовало бы признать, что эти группы и их представители имеют цели и интересы, отличные от интересов общества и граждан. Кроме того, деятельность правительства, органов власти имеет высокую общественную значимость, их критика является составной частью политического и общественного плюрализма в демократической системе.

Отдельного анализа при проведении исследования требуют особенности коммуникации, тот контекст, без учета которого невозможно объективно установить коммуникативную цель автора, смысл текста. Анализу подвергаются такие категории, как автор текста (сообщения), адресат (или целевая аудитория), условия коммуникации (коммуникативная ситуация).

Применительно к задаче установления коммуникативной цели автора и целенаправленности его речи важно дифференцировать речевое поведение и речевую деятельность. Категория «деятельность» служит для описания проактивных процессов и связана, как правило, с осознанным стремлением к разрешению проблемных жизненных и социальных ситуаций. Категория «поведение» описывает процессы реактивного характера, имеющие внешнюю стимуляцию и в большей степени зависимые от существующих у индивида стереотипов действий, спонтанных личностных проявлений во взаимодействии с ситуационными факторами. Это важно учитывать, когда объектом является письменная и устная речь автора, текст или речевая продукция в ситуации спора, конфликта, драки и др.

Еще одна проблема связана с представлением, что задача психолога ограничена установлением, какое воздействие текст оказал или может оказать на адресата. Чаще говорят о потенциальном воздействии, однако не всегда уточняют, что оно является потенциальным и по существу гипотетическим. Рассматриваемые категории правонарушений имеют так называемый формальный состав, что не предполагает ни самого воздействия (как последствий деяния), ни оценки его потенциала, хотя, с точки зрения превентивных задач правоохранительной деятельности, не лишено целесообразности указание, что при отсутствии у автора такой коммуникативной цели текст с высокой вероятностью будет побудительным. Однако любой, даже информационный текст может для определенных читателей быть побудительным. Потенциал воздействия оценивают в зависимости от наличия в тексте побуждения (призыва) и определенных установок. Такая оценка не может быть категорической. С психологических позиций проблема побудительности текста представляется сложной и неоднозначной. С одной стороны, эффективность социального влияния зависит не только от готовности людей придерживаться определенных взглядов или даже формировать определенные намерения, но также и от наличия легких и очевидных путей, помогающих облекать эти взгляды и намерения в конкретные действия [3]. Поэтому когда в тексте имеются призывы к определенным действиям и конкретные примеры таких действий, т. е. присутствует так называемая канализация действий, эффективность влияния должна быть больше. С другой стороны, с позиций суггестологии, косвенная, непрякая информация обладает более высоким побудительным потенциалом, чем директивные предписания или указания (прямые призывы), так как она обращается преимущественно к подсознанию адресата, обходя естественные психологические защиты. Кроме того, у адресата желание предпринять определенные действия может быть обусловлено его установкой (существующей или формируемой). Взаимосвязь компонентов установки предполагает, что при сформированности когнитивного и эмоционального компонентов, т. е. при наличии у субъекта определенного эмоционально-смыслового отношения к объекту, существует и готовность к определенному поведению по отношению к этому объекту (т. е. оформляется поведенческий компонент). Однако не следует забывать, что социальные установки не связаны с поведением напрямую, непосредственно (известный «парадокс Лапьера»). Тем самым наличие, к примеру, ксенофобических установок не всегда влечет реальное агрессивное поведение по отношению к представителям иной расы, религии, национальности.

Поведение субъекта зависит от большого числа факторов. Человек обладает сложной системой различных диспозиционных образований, которые регулируют его поведение и деятельность. Поведение зависит как от субъективных факторов (например, потребностей), так и от объективных (ситуации), а также от их взаимного влияния друг на друга. Особенности восприятия и осмысления читателем информации также зависят от целого ряда обстоятельств индивидуально-психологического и социально-психологического характера, в том числе – от мировоззрения читателя, его установок, мотивов, когнитивной организации, коммуникативной компетентности, «гибкости» языкового сознания, жизненного опыта и многих других, включая актуальное состояние, конкретную жизненную ситуацию (контекст общения), цель потребления текста. Именно поэтому только выраженные в тексте призывы (побуждения) подлежат установлению при экспертном анализе. Какие ассоциации может породить текст со скрытым побуждением, или к чему может быть побужден читатель текстом без заложенного в

него автором побуждения, заведомо, без эксперимента с участием конкретных читателей и исследования их индивидуальных ассоциаций, установить невозможно. Любой текст может оказать на определенных читателей воздействие, не предполагаемое автором, и, наоборот, предполагаемый автором (желаемый) эффект может быть не достигнут.

Литература

1. *Дридзе Т. М.* Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // *Общественные науки и современность.* 1996. № 3.
2. *Дридзе Т. М.* Язык и социальная психология: Учебн. пособие/Под ред.и с предисл. А. А. Леонтьева, изд. 2-е, доп. М., 2009.
3. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999.

Methodological Issues in the Inquiry of Ambiguous Texts in Extremism Cases

T. N. Sekerage, Ph.D in Law, assistant professor, the head of the Forensic psychological and linguistic inquiry laboratory of the Russian Federal Center of Forensic Inquiry of the Russian Ministry of Justice (sekerage@mail.ru)

The article discusses the most topical issues in research of disputable texts on extremism cases, dealing with understanding of the research subject, choice of the methods, definition of different specialists' spheres of competence in the course of psycho-linguistic inquiry, legal and expert concepts etc. It provides general outlook of the main methodological recommendations statements, created by the group of authors from the Russian Federal Center of Forensic Inquiry of the Russian Ministry of Justice on the materials of expert practice. The recommendations describe organizational and legal groundings for complex psycho-linguistic expertise, main ideas and principles of complex psycho-linguistic investigation of "extremist texts", technology of expert inquiry, criteria for expert assessment, peculiarities of typical experts' mistakes and their prevention, recommendations on writing reports etc.

Keywords: psychological forensic inquiry, complex psycho-linguistic expertise, extremist activity, text, inquiry method.

References

1. Dridze T. M. Social'naja kommunikacija kak tekstovaja dejatel'nost' v semiosociopsihologii // Obwestvennyye nauki i sovremennost'. 1996. № 3.
2. Dridze T. M. Jazyk i social'naja psihologija: Uchebn. posobie/Pod red.i s predisl. A. A. Leont'eva, izd. 2-e, dop. M., 2009.
3. Ross L., Nisbett R. Chelovek i situacija. Uroki social'noj psihologii. M., 1999.